

Когнитивный подход помогает нам выявить, как отражается в поговорках взгляд народа на внешние и внутренние качества женщины, ее характер и поведение. Н.Д. Арутюнова отмечает, что «если Бог создал человека, то человек создал язык – величайшее свое творение. Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свои отношения к другому человеку» [Арутюнова 1999: 3].

Таким образом, мы выяснили, что показателями внешней красоты девушки, по мнению людей прошлого, служили пышные формы, длинные волосы, собранные в косу, румянец на щеках. Но главное внимание все же уделялось таким духовным качествам женщины, как доброта, кротость, смирение, сила, выносливость, верность мужу, трудо-

любие. Отрицательными качествами женщины считались своеволие, непослушание, болтливость, склонность к обману.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 896 с.
2. Бодякина Е.В. Специфика семантики англоязычных и русских поговорок с зоонимами. Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. научн. труд. Памяти В.И. Чернова (к 75-летию со дня рождения). – Киров, 2009. – С. 69-74.
3. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002. – 336 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 2004. – 752 с.
5. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. – М., 1994.
6. Ильин И.А. О русском национализме // О русском национализме: Что сулит миру расчленение России. – Новосибирск, 1991.
7. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М., 1995. – С. 144–238.

УДК 81'42

Кириллина Н.В.

Московский государственный
областной университет

ОППОЗИЦИЯ ДОБРО-ЗЛО В ЯЗЫКЕ ЛИРИКИ А.А. АХМАТОВОЙ*

Аннотация. В статье раскрываются особенности оппозиции добро – зло в языке художественной литературы. На материале лирики А.А. Ахматовой анализируются изменения семантического объема данных концептов, их соотношение с интерпретацией в наивной картине мира. На примере ранней и поздней редакции одного из стихотворений автор показывает изменения, произошедшие в мировоззрении поэта с течением времени, и отражении этих изменений в идиостиле А.А. Ахматовой.

Ключевые слова: оппозиция, художественный текст, наивная картина мира, синонимы.

N. Kirillina

OPPOSITION GOOD – EVIL IN THE
LANGUAGE OF A. AKHMATOVA'S LYRICS

Abstract. In the clause features of opposition good – evil in fiction language are revealed. On some material of A. Akhmatova's lyrics the change of the particular concepts are analyzed, their parity with interpretation in the naïve picture of the world. On an example of early and late editions of one of the poems the author makes evident the changes which occurred in the poetess's outlook eventually, and on idiosyle of A. Akhmatova.

Key words: opposition, fiction text, naïve picture of the world, synonyms.

В русской языковой картине мира духовные, этические категории могут быть описаны с помощью различных противопоставлений. Подобные оппозиции занимают одно из главных мест в духовном мире народа и концептуализируют определённые понятия человеческого сознания.

* © Кириллина Н.В.

Наиболее наглядным примером данных противопоставлений является оппозиция *добро-зло*, которая в полной мере передаёт особенности русского национального сознания и менталитета: «Пронизывая все бытие человека, Добро и Зло образуют базовые оппозиции культуры, которые обуславливают не только поведение человека и его деятельность, но и определяют оценки, даваемые им себе и окружающему миру. Эта этическая оппозиция отражается в языке любой культуры в виде мерцающей сети смыслов, которые образуют аксиосферу культуры» [Вендина Т.И., 2007, с. 145].

Наивная картина мира понятия *добро-зло* интерпретирует как противопоставление позитивного начала – дурному: Добро.1. Всё положительное, хорошее; *противоп.* зло; Зло.1. Всё дурное, плохое, вредное; *противоп.* добро. [Словарь русского языка в 4-х томах, 1985, с. 409; 611].

В художественном тексте оппозиция концептов *добро-зло* репрезентируется иначе: «В художественном тексте репрезентация концепта объективного мира носит особый характер, так как в нём на первый план выступают те признаки, которые способны развить субъективно-образное представление о реалии окружающего мира и уже в условиях художественного контекста трансформировать это слово в концепт. В художественном тексте концепт развивает субъектно-объектную многоплановость повествования, формируя смысловую структуру взаимодействием абстрактной стороны понятия с семантикой других компонентов контекста. Репрезентируя все качества и особенности концепта, слово становится средством объектно-субъектного выражения авторской позиции. Семантика слова теснейшим образом связана с композицией, сюжетом, тематикой художественного произведения, лингвально-ментальной стороной творческой личности и т. д. – именно эта связь становится главным условием формирования смысловой стороны произведения» [Войлова К.А., 2009, с. 60].

Академик С.Д. Лихачев считал, что особую роль в обогащении концептосферы национального языка играют поэты, так как «ощущение языка как своего рода концентрации духовного богатства, культуры в целом в высшей степени свойственно особенно чутким к русскому языку поэтам» [Лихачев С.Д., 1993, с. 7]. Более того, многие поэты обладают способностью предвидеть будущее – пророчить, особым способом осознавать,

«чувствовать» настоящее, анализировать прошлое. Этим редким даром обладала и А.А. Ахматова – великий русский поэт.

Поскольку для Ахматовой *добро и зло* уже решены её глубокой православной верой, концепты *добро и зло* широко репрезентируются в её стихах и несколько отличаются от их содержания в наивной картине мира.

Толковый словарь современного русского языка предлагает следующие толкования слова *добро*:

1. *Всё положительное, хорошее. Желать добра кому-н. и т. д.*
2. *Хорошее, доброе дело; поступок, приносящий пользу. Помнить добро.*
3. *Имущество, вещи, пожитки (разг.). Чужое добро.*

4. *О ком-чем-н плохом, негодном (разг. пренебр.). Такого добра нам не надо* [Словарь русского языка в 4-х томах, 1985, с. 409].

Классическая оппозиция лексем *добро-зло* в языке произведений Ахматовой представлена в необычной форме: лексема *добро* эксплицитно выражена только в значении «*имущество, вещи*»: *А на стенах лазурных святые – полукрадено это добро...* («Поэма без героя»). Все другие значения носят имплицитный или контекстуальный характер выражения.

Так, репрезентация семантики лексемы *добро* осуществляется лексемой *благо*, которая находится с лексемой *добро* в синонимических отношениях: *Но для счастья и блага нам нужен мир, и будут нами гордиться века* («Где дремала пустыня, там ныне сады...»), и которая сближается с ней самой в производных словах: *И клонится снова в звуках блаженных Гибкое тело твое* («Тамаре Платоновне Карсавиной»); *Блаженный мир – зелёный мир* («Блаженный мир...»); *Моё благословенье Я вам сегодня дам. Войдете вы в забвение, Как люди входят в храм* («Хулимые, хвалимые!»); *По полу лучи луны разлились. Сердце сразу замерло, зажглось, И блаженно пальцы опустили В волны светлых, словно, волос* («Герб небес изогнутый и древний»). Ср.: с семантикой производных слов с корнем *добр-*: *Отняты мы друг у друга... Разве можно так? Если хочешь – расколдую, Доброй быть позволь: Выбирай себе любую, но не эту боль* («Песенки. Лишняя»); *Но вдруг последняя сила В синих глазах ожила: «Хорошо, что ты отпустила, Не всегда ты доброй была»* («Бесшумно ходили по дому...»).

В синонимические отношения со сло-

вами *добро*, *благо* и их производными в художественном тексте А.А. Ахматовой выступают такие слова, как *песня*: *Долгую песню, льстивая, О славе поет судьба* («Дал ты мне молодость трудную...»), *молитва*: *А юность была – как молитва воскресная... Мне ли забыть ее* («Вместо мудрости – опытность...»), *любовь*: *Я на солнечном восходе Про любовь пою, На коленях в огороде Лебеду пою* («Песенка»), которые ещё В.В. Виноградов выделял как три основные семантические сферы творчества Ахматовой [Виноградов В.В., 1922, с. 92].

Мироощущение А.А. Ахматовой, во многом трагическое, определяет особенности её идиостиля, репрезентирующего языковую личность поэта.

*Моею Музой оказалась мука.
Она со мною кое-как прошла
Там, где нельзя, там, где живёт разлука,
Где хищница, отведавшая зла
("Моею Музой оказалась мука...").*

В этом контексте слово *зло* раскрывает семантический объем контекстуальными синонимами *мука*, *разлука*, *хищница*.

Много в поэтических текстах А.А. Ахматовой и слов с корнем *зл-*: *Я обманут моей унылой, переменчивой, злой судьбой* («Песня последней встречи»); *Будет камень вместо хлеба мне наградой злой* *Надо мною только небо А со мною голос твой* («Песенка»); *Я смеюсь, а в сердце злобно плачу, Старый друг бормочет мне: «Не каркай! Мы ль не встретим на пути удачу!»* («Под навесом темной риги жарко...»); *А за рекой на траурных знаменах злое смеемся черепа* («И целый день своих пугаясь стонов...»); *Там зверства древнего еще кишат микробы: Бориса дикий страх и всех иванов злобы* («Стансы»); *И первая – праздничный беспорядок Вчерашнему лету назло, И листья летят, словно ключья тетрадок...* («Три осени»); *Тот день всегда необычаен. Скрывая скуку, горечь, злость, Поэт – приветливый хозяин, Читатель – благосклонный гость* («Выход книги»); *В чёрном ветре злоба и воля. Тут уже до Горячего Поля, Вероятно, рукой подать* («Петербург в 1913 году») и др.

Таким образом, «слово писателя или поэта эксплицирует открытое или завуалированное отношение к миру, которое может быть как позитивным, так и негативным, т. е. оно может выражать отчуждение, духов-

ное одиночество, смерть» [Шаталова О.В., 2009, с. 234].

Исследователь Моспанова Н.Ю. в своей диссертации «Концептуальная оппозиция «ДОБРО-ЗЛО» в фольклорной картине мира» отмечает, что общее количество различных слов, репрезентирующих концепт «Зло» в русских народных сказках в 1,5 раза больше, чем у концепта «Добро» [Моспанова Н.Ю., 2005, с. 113].

Значениями слова *зло* в наивной картине мира являются:

1. Всё дурное, плохое, вредное. *Бороться со злом. У Ахматовой читаем: Зла, мой ласковый, не делай в мире никому...* («Как невеста получаю...»); *Бессмертен день, когда одною грудью Страна труда восстала против зла* («30 июня 1950»).

2. Беда, несчастье, неприятность. *Скоро он убедился в том, что зла мы ему не хотим.*

3. Злое чувство, гнев, досада. *Дай ты мне высказать все, сердце свое облегчить, чтобы зла не оставалось. У Ахматовой: Называй же беззаконницей, Надо мной глумись со зла* («Я окошка не завесила...») [Словарь русского языка в 4-х томах, 1985, с. 611-612].

В стихах А.А. Ахматовой происходит то сужение смысла данной лексемы (не встречается, например, слово *зло* во втором значении), то его расширение (появляется значение «чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к кому-л.», свойственное производному слову *злоба*: *И как преступница томилась, Любовь, исполненная зла* («О, жизнь без завтрашнего дня!»).

Прямое противопоставление встречается лишь единожды: *Не ты ль, увы, единственная связь/ Добра и зла, земных низин и рая* («Музыка»). Вместе с тем почти в каждом стихотворении происходит «столкновение» этих двух ипостасей человеческого бытия. Дело в том, что вся лирика Ахматовой «пропитана» чувствами, первое место среди которых, занимает, естественно, любовь. Любовь к миру, жизни, мужчине, ребёнку, родине...

*И мальчик, что играет на волынке
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек,
Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу...
("И мальчик, что играет на волынке...").*

Это и есть для поэта то *добро*, которое является основой нашего мира, жизни вообще. Ему всегда противостоит *зло* во всех его проявлениях, что, естественно, отражается в языке и «преломляется» в художественном тексте. Да и сама любовь выступает то на стороне *добра*, даря радость, вдохновение, то на стороне *зла*, принося страдания и боль, лишая человека покоя.

*То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснёт,
Почудится в дрёме левкоя...
Но верно и тайно ведёт
От радости и от покоя.
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке
("Любовь").*

Добро вступает в оппозицию и с понятиями *жизнь*, *судьба* и т. д., которые, являясь одновременно репрезентантами концепта *добро*, выступают порой на стороне *зла*: *Загорелись иглы венчика Вкруг безоблачного лба. Ах! Улыбчивого птенчика Подарила мне судьба* («Загорелись иглы венчика...»); И в то же время: *Я обманут моей унылой, переменчивой, злой судьбой* («Песня последней встречи»). Или: *Радостно и ясно Завтра будет утро, Эта жизнь прекрасна, Сердце, будь же мудро* («Дверь полуоткрыта...»). А в другом стихотворении: *Я пью за разоренный дом, за злую жизнь мою, За одиночество вдвоем И за тебя я пью* («Тост»). В таких случаях можно говорить о зонах пересечения концептов *добро* и *зло* [Моспанова Н.Ю., 2005, с. 183].

С точки зрения частеречной принадлежности слов с корнем *зл-* представляют собой имена существительные *зло*, *злоба*, *злость*: *И как преступница томилась любовь, исполненная зла* («О, жизнь без завтрашнего дня...»); *Как будто бы руку пожмет и морщины разгладит, Как будто простит, наконец, непростимое зло* («Пускай австралийка меж нами незримая сядет...»); *Там зверства древнего еще кишат микробы: Бориса дикий страх и всех иванов злобы, И самозванца спесь взамен народных прав* («Стансы»); *Тот день всегда необычаен Скрывая скуку, горечь, злость, Поэт – приветливый хозяин, Читатель – благосклонный гость* («Из заветной тетради»); прилагательные *злой*, *злобный*: *Я*

пью за разоренный дом, За злую жизнь мою («Последний тост»); *Персик зацвел, и фиалок дым Черно-лиловый... Кто мне посмеет сказать, что здесь Злая чужбина?* («Пальмира»); *Он так хотел, он так велел Словами мертвыми и злыми* («Надпись на неоконченном портрете»); *И терпкую злую истому Принесла с июльских полей* («За то, что я грех прославляла...»); *А я была дерзкой, злой и веселой И вовсе не знала, что это – счастье* («У самого моря»); *И снова масляничный вечер, Маска это, череп, лицо ли – Выражение злобной боли* («Поэма без героя»); *Ты, не имея ни духа, ни тела, Коршуном злобным на мир налетела* («Скорость»); наречие *назло*: *И первая – праздничный беспорядок Вчерашнему лету назло, И листья летят, словно ключья тетрадок* («Три осени»).

Активно используются сложные слова с первой частью *зло*: *зловещий*, *злорадный*, *зловонный* и др.: *Мыл руки перед всем народом Под зловещие крики черни* («Привольем пахнет дикий мед...»); *Пусть хоть голые красные черти, Пусть хоть чан зловонной смолы* («Умирая, томлюсь о бессмертии...»); *Чтобы узнать в тяжелый час сомненья Учеников злорадное глумленье И равнодушные толпы* («Нам свежесть чувств и чувства простоту...»). В стихах А.А. Ахматовой можно отметить сложные прилагательные, не зафиксированные в словарях: *Ни один не двинулся мускул Просветленно-злого лица* «Гость». Интересно сочетание существительного имени собственного с производным словом *злодей*: *Ах! – где те острова, Где растет трын-трава Густо... Где Ягода-злодей Не гоняет людей К стенке* («Из забытого»).

Кроме того, в лирике Ахматовой класс слов с доминантой *зло* включает в свой состав такие лексемы, как *смерть*, частотность употребления которой также достаточно велика: *Не целуй меня усталую, – Смерть придёт поцеловать* («Сердце к сердцу не приковано...»); *Кого ты на смерть проводила, Тот скоро, о, скоро умрет* («Три раза пытаться приводила...»), *беда*: *Я смеялась: «Ах напророчишь Нам обоим, пожалуй беду»* («Гость»), *тоска*: *Углем наметил на левом боку Место, куда стрелять, Чтоб выпустить птицу – мою тоску В пустынную ночь опять* («Углем наметил на левом боку») и др. В самом общем своём значении это и есть то, что противостоит *добр*у, *жизни*, *любви*. Показательно, что репрезентация *добра* у Ахматовой имплицитна, *добро* не нуждается в постоянном «озвучивании», оно естественно и безусловно, а вот

зло активно и даже сверхэксплицитно.

Интересно, что, редактируя в зрелом возрасте свои ранние стихи, А.А. Ахматова заменяет лексемы с корнем *зл-* на синонимичные с точки зрения контекста, например *зловещий* на *бездонный*. М. Кралин в примечаниях к двухтомному изданию сочинений А. Ахматовой [М., 1990] приводит автограф 1950-х годов, восстанавливающий первоначальную редакцию стихотворения «И когда друг друга проклинали...» (1909)

*...И когда друг друга проклинали
В бешенстве тоскующего зла,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала
И что память яростная мучит.
Пытка сильных, огненный недуг,
И в ночи зловещей сердце учит
Спрашивать: «О, где ушедший друг?»
А когда сквозь волны фимиама
Хор гремит, ликуя и грозя,
В душу смотрят строго и упрямо
Те же неизбежные глаза [1 т. с. 369].*

Строка *В бешенстве тоскующего зла* заменена строкой *В страсти, раскалённой добела*; строка *И в ночи зловещей сердце учит* – на строку *И в ночи бездонной сердце учит*.

*И когда друг друга проклинали
В страсти, раскалённой добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных – огненный недуг! –
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны фимиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза [1 т., с. 24].*

Исследователь творчества Ахматовой М. Кралин считает, что первая редакция «носила более личностный характер, что, видимо, и помешало тогда Ахматовой включить стихотворение в состав «Вечера». Однако, спустя полвека после написания, она, в сущности, оставляет текст в первоизданном виде, убирая лишь некоторые, чересчур личные мотивировки» [1 т., с. 369]. Думается, что редакция текста самой Ахматовой вызвана отнюдь не «чересчур личными мотивировками» – у женщины-поэта всё творчество носит личностный характер. Новая редакция

отражает изменения в мировоззрении поэта, более мудрого, много пережившего, не сломленного жизненными потрясениями. Ахматова меняет строку *В бешенстве тоскующего зла* на строку *В страсти, раскалённой добела*, сохраняя в семантике «накал страстей», изменяя при этом лексический состав. Слово «*зло*» традиционно ассоциируется в русском языковом сознании с черным цветом, а тут «*раскалённой добела*» – наблюдается пересечение концептов *добро* (ассоциирующегося с белым цветом) и *зло*. Ахматова меняет строку *И в ночи зловещей сердце учит* на строку *И в ночи бездонной сердце учит*. В этом контексте сохраняется «глубина чувств», но исчезает оттенок угрозы. Интересно, что поэт «смягчает» выражение концепта *зло*, уходя от ядра к периферийным его составляющим. При этом «столкновение» происходит и между другими лексико-семантическими группами. К концепту *зло* относятся лексемы: *проклинали, бешенство, тоскующего, яростный, мучит, пытка, огненный недуг, грозя*. Ему противопоставлены репрезентанты концепта *добро*: *сердце, друг, душа, неизбежные глаза*. В данном поэтическом тексте оппозиантами становятся языковые единицы, которые за его рамками не имеют антонимических отношений.

Современная лингвистика обращается сегодня к изучению различных концептов, сопоставляя при этом разные языки. Но даже внутри одного языка, более того, в рамках художественного пространства одного автора метод сопоставления, анализа оппозиционно представленных концептов позволяет углубить и расширить понимание структуры нефизического мира человека: его социальные отношения, моральные, этические, философские и другие феномены. В художественном тексте, как в капле воды, отражается реальный мир человека, преломляясь в сознании автора, преображаясь в нем, и в обновленной ипостаси используется в художественном произведении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахматова А.А. собрание сочинений в 2-х т. – М., 1990.
2. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. – М., 2007. – 336 с.
3. Виноградов В.В. О символике Анны Ахматовой. Литературная мысль, 1, Пгр., 1922. – С. 91-138.
4. Войлова К.А. Ключевое слово *друг* в языке произведений А.С. Пушкина: денотативные связи и концептуализация [Текст]// Русский язык в системе славянских языков: история и современность: МГОУ Сб. научн. тр. вып. 3. – М., 2009. –

- С. 59-65.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. А.Н. СССР Сер. лит и яз. 1993. – Т. 52, № 1.
  6. Моспанова Н.Ю. Концептуальная оппозиция «ДОБРО – ЗЛО» в фольклорной языковой картине мира (на материале русских народных сказок) дисс. на соиск. уч.ст. к. ф. н. Брянск 2005.
  7. Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1. – М., 1985.
  8. Шаталова О.В. Концепт Бытие в русском языке: история и современное состояние. М.: Изд. МГОУ, 2009. - 319.

УДК 81.366:811.161.1

Кирюхина Н.А.

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева» (г. Саранск)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу функционирования видо-временных форм глаголов в художественном тексте. Автором рассмотрены возможности видо-временной соотносительности глагольных форм. Выявлены семантические особенности видо-временных форм глаголов с точки зрения их функционирования в конкретном художественном тексте. Доказано, что видовые формы могут варьировать не только в разных временных планах, но и в зависимости от той или иной функционально-семантической разновидности одного и того же времени.

Ключевые слова: глагол, грамматическая категория, категория вида, категория времени.

N. Kiryukhina

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE TEMPORARY FORMS OF VERBS IN FICTION

Abstract. This article is devoted to the analysis of the functioning of the temporary forms of the verbs in fiction. Possibilities of the temporary correlative forms of the verb are considered in this article. The semantic peculiarities of the temporary forms of the verbs in a text of art are exposed in the work. The category of aspect can be used not only in different temporary plans but also according to the functional-semantic variety of the time.

Key words: a verb, a grammatical category, a category of aspect, a category of time.

Особую роль в системе грамматических категорий глагола в процессе его функцио-

нирования имеют категории вида и времени, соотносимые друг с другом в различных высказываниях. Являясь организующим центром глагольного предложения, средством выражения синтаксического времени, видо-временные формы глагола взаимодействуют и соотносятся друг с другом в строе предложения и – шире – в составе текста.

В отечественном языкознании в течение длительного времени учение о виде заслоняло учение о категории времени. Система взаимоотношения времен русского глагола с видом оставалась недостаточно разработанной вплоть до середины XX века, хотя в данной области за это время и был выдвинут ряд важных замечаний и положений.

Одни ученые рассматривали вид как категорию, обозначающую распределение действия во времени (Н.И. Греч, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Потемня, А.М. Пешковский), другие (А.А. Шахматов, В.А. Богородицкий) считали, что вид – это способ протекания действия, а третьи (В.В. Виноградов, Н.С. Авилова и многие другие) рассматривали вид как категорию, выражающую действие в отношении к его пределу, результату.

В освещении вопроса о временах русского глагола в их отношении к видам в лингвистической литературе четко прослеживаются два направления. В первых русских грамматиках (грамматика Н.И. Греча, А.Х. Востокова) прослеживается тенденция к обособленному рассмотрению категорий времени и вида с преимущественным вниманием к виду. В русистике грамматическая тенденция к расчленению и обособлению категорий

* © Кирюхина Н.А.